

особой настоятельностью выступаем с настоящим воззванием — предотвратить безумие ядерной войны.

Сегодня все человечество может быть уничтожено в считанные часы и даже минуты. После тотальной ядерной катастрофы представляется едва ли вероятной возможность сохранения биосферы и самой жизни. Антропологи и этнологи в большей мере, чем другие ученые, осознают достижения и ценность культур мира, развивавшихся в течение тысячелетий во всех уголках планеты. В случае ядерной войны все было бы обречено на гибель. Наш разум и совесть заставляют нас протестовать против приготовлений к ядерной войне.

Невозможно верить политикам и военным стратегам, выдвигающим теории «ограниченной ядерной войны» и считающим, что в такой войне могут быть победители. Они пытаются приучить людей к мысли о неизбежности глобального конфликта и препятствуют усилиям, направленным против подготовки к войне.

Независимо от того, как часто происходили в истории конфликты и войны, главный вклад в развитие человечества вносили и вносят мирные отношения между народами. Именно мирные отношения, благодаря которым была и есть возможность создавать и развивать культуру человечества, должны быть нормой социальной жизни.

Мы призываем к мирным отношениям во всех сферах экономической, политической и культурной жизни между народами и государствами вне зависимости от их общественных систем и идеологий.

Мы осуждаем попытки препятствовать развитию контактов и международного сотрудничества между учеными.

Мы призываем всех ученых к более активной совместной работе на благо мира, к выступлению в качестве профессионалов в защиту человеческой культуры и всех народов, которым сегодня угрожает ядерная катастрофа.

В. И. Козлов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ДОЛГОЖИТЕЛЬНОСТИ *

Согласно заключенному во второй половине 1977 г. соглашению о научном сотрудничестве между Институтом этнографии АН СССР и Институтом по изучению человека (Нью-Йорк) советскими и американскими учеными была начата параллельная работа над темой «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с повышенным процентом долгожителей». В качестве первого объекта исследования на территории СССР советскими учеными были взяты абхазы, живущие в селах Очамчирского и Гудаутского районов Абхазской АССР. К работе над темой был привлечен Институт антропологии МГУ, Институт геронтологии АМН (Киев), Институт экспериментальной морфологии АН ГССР, Абхазский институт истории, экономики и литературы, а также сотрудники некоторых других научных учреждений.

До недавнего времени изучением вопросо'в долгожительства занимались главным образом медики-геронтологи; результаты их исследований, основанные на анализе большого, преимущественно клинического материала, отражены в сотнях статей и десятках книг. От геронтологических исследований развернутая нами работа отличалась двумя главными особенностями. Первая из них та, что феномен долгожительства подлежал изучению не на индивидуальном, а на групповом (популяционном) уровне, т. е. объектом исследования являлись большие группы людей и даже целые этносы, внутри которых исторически возник и достаточно закрепился (т. е. прослеживается в течение многих десятилетий) феномен долгожительства. Кроме того, наше исследова-

* Печатается в порядке обсуждения.

ние не подчинялось целям гериатрии, т. е. изучению особенностей болезней и поискам средств их лечения; оно было направлено на выявление причин естественноисторического возникновения феномена группового долгожительства в конкретных природных и социально-культурных условиях, связывалось с исследованиями по этнической антропологии, этнической психологии и другими пограничными с этнографией дисциплинами.

В мировой науке такая тематика еще не разрабатывалась. Это поставило перед ее участниками ряд сложных научно-исследовательских и научно-организационных проблем. Особенно трудными оказались последние, но освещение их выходит за рамки данной статьи. Научно-теоретическая сторона исследования, при всей его новизне и сложности, оказалась более разрешимой. Уже на первых этапах разработки общей программы исследования с американской стороны были намечены и согласованы основные пути решения проблем, связанных с феноменом долгожительства, определены место и роль во всем исследовании биолого-антропологической части, а также этнографического и других разделов, входящих в социально-этнографическую часть. Для большей направленности сбора этнографических, демографических, этнопсихологических и других материалов, относящихся к этой части исследования было сформулировано несколько «гипотез» долгожительства, подлежащих проверке в ходе исследования: хозяйственно-трудовая, жилищно-бытовая, пищевая, геронтофильная и др.

Следует отметить, что достичь идентичности исследований, проводимых советскими и американскими учеными, не удалось. Различия обнаружились как в научной организации работы, так и в объектах исследования. Советские ученые взяли курс на получение широкого сравнительного этнического материала для исследования не только абхазов, но и других этнических групп с повышенной долей долгожителей как на Кавказе, так и за его пределами (в Якутии, на Алтае и др.). Американская сторона ограничила свои задачи исследованием сравнительно-небольшой сельской общины (в основном шотландско-ирландского происхождения) в графстве Робертсон (северная часть штата Кентукки), несколько сузив при этом и содержательную часть работы.

Основное содержание работы по изучаемой теме, и в частности характеристика отдельных гипотез долгожительства, уже освещались в печати. В настоящее время издан тематический сборник по материалам состоявшегося в апреле 1980 г. в Москве, Тбилиси и Сухуми I Советско-американского симпозиума, одновременно такой сборник на английском языке был издан в США². В настоящее время ведется подготовка к изданию материалов II Советско-американского симпозиума, состоявшегося в ноябре 1982 г. в Нью-Йорке и подытожившего основные результаты работ в Абхазии. Поэтому в данной статье рассматриваются лишь некоторые фундаментальные, в том числе и дискуссионные, вопросы исследования всей темы и особенно в ее этнографическом аспекте.

Прежде чем перейти к рассмотрению существа проблемы, нам придется уточнить некоторые основные понятия и термины, начав с самого понятия «долгожительство».

Логическое осмысление этого понятия предполагает сопоставление его с понятием «среднежителство», но не вполне ясно, как определить и этот термин. Напрашивается связь его с показателем средней статистической продолжительности жизни, получаемой как средняя возрастов всех умерших за определенный период времени, или со средней ожидаемой продолжительностью жизни, представляющей среднее число

¹ См.: Козлов В. И. Долгожительство и долгожители.— Природа, 1980, № 7; Зубов Л. А., Козлов В. И. Поиски причин долгожительства.— Наука и жизнь, 1981, № 1; Смирнова Я. С. Роль и статус старших в абхазской семье (к проблемам геронтофильных факторов долгожительства).— Сов. этнография, 1982, № 6; Козлов В. И.— Люди, которым за 90...— Курьер ЮНЕСКО, ноябрь 1982.

² Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования. М.: Наука, 1982.

лет, которые могут прожить новорожденные при сохранении в будущем существующих показателей половозрастной смертности. Однако такая связь весьма относительна, ибо оба показателя (не очень сильно отличающиеся друг от друга) претерпели большие изменения в ходе истории и ныне довольно сильно варьируют по странам мира. Из того факта, например, что средняя статистическая продолжительность жизни в Древнем Риме составляла около 25 лет³, а ожидаемая продолжительность жизни в современном Конго — немногим более 45 лет, еще не следует заключение, будто бы 30-летний римлянин или 50-летний конголезец должны считаться «долгожителями».

Гораздо важнее для нашей темы такой показатель, как генетически детерминированная средняя продолжительность жизни особей определенного вида, в нашем случае вида *Homo sapiens*. Однако в отличие от двух рассмотренных показателей, хотя и сильно варьирующих, так сказать, во времени и в пространстве, но в конкретных случаях более или менее определенных, видовая продолжительность жизни человека, как, впрочем, и многих животных, до сих пор еще точно не установлена, а имеющиеся оценки ее различаются столь сильно (в полтора-два раза!), что определять по ним «средний» показатель было бы некорректно. Основная причина подобных расхождений заключается в различном подходе к понятию видовой продолжительности жизни, в скудости и недостоверности исходного материала. При этом одни авторы исходят из максимального (кстати сказать, не всегда верифицированного) возраста, до которого доживали отдельные люди — 150—160 лет, да еще увеличивают эти цифры за счет возможно «недожитых» лет. Согласно таким авторам, человек может жить 170—200 лет и даже больше⁴; ну а современные столетние люди оказываются в этом случае не столько «долгожителями», сколько «недожителями».

Другие, на наш взгляд, более трезво мыслящие авторы опираются не на рекордные случаи, а на массовый статистический материал. Не так давно известный демограф Б. Ц. Урланис, используя для этой цели статистику по развитым странам мира, показал, что наибольшая на сей день ожидаемая продолжительность жизни достигает в Швеции 75 лет (у мужчин — свыше 72 лет, у женщин — около 78 лет). Введя поправки на преждевременную смерть, он определил реальную биологическую продолжительность жизни для мужчин 86 лет, для женщин 88 лет⁵. Примененная Б. Ц. Урланисом методика подсчета не вполне ясна, полученная точность цифр (до одного года) и возможность распространения их на все население мира представляются несколько сомнительными. Людей старше 90 лет (как это сейчас и принято в международной практике) условно можно отнести к разряду «долгожителей».

Вслед за Б. Ц. Урланисом попытку определения «видовой продолжительности» человека недавно предприняли молодые биологи Л. А. и Н. С. Гавриловы. Они воспользовались для этой цели статистико-математическими методами обработки данных о смертности в возрастах 30 лет и старше по ряду стран мира — Индии, Турции, Великобритании и др.⁶ Для всех стран и половых групп были получены довольно идентичные результаты, по которым «видовая продолжительность жизни человека» была определена в 98 ± 5 лет.

Сделанные Гавриловыми исчисления, насколько мне известно, не подвергались критическому анализу в печати, хотя примененные авто-

³ Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М.: Статистика, 1982, с. 193.

⁴ В недавно вышедшей книге М. Н. Султанова «Азербайджан — страна долгожителей» (Баку, 1981) со ссылкой на какую-то «медико-биологическую литературу» сообщается о китайце Ли Чункюн, который якобы «прожил 252 года активной жизнью» (с. 30). Подобные сообщения относятся, конечно, к области легенд.

⁵ Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978, с. 251.

⁶ Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С. Определение видовой продолжительности жизни — Доклады АН СССР, 1979, т. 246, № 2; см. также; Гаврилов Л. А. Исследование генетики продолжительности жизни с помощью кинетического анализа: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. биол. наук. М., 1980.

рами математические приемы представляются не безупречными. Но дело здесь даже не столько в математике (показ математических погрешностей не входит в задачу данной статьи), сколько в недостаточности биологического обоснования выводов авторов. Этим страдают и другие авторы, как правило, повышающие видовую продолжительность жизни человека до 100 лет и больше. На этой стороне вопроса целесообразно остановиться подробнее.

Видовая продолжительность жизни устанавливается, как известно, в процессе биологической эволюции и естественного отбора во время формирования данного вида. Применительно к современному человеку это произошло примерно 40—50 тыс. лет назад, когда, по палеонтологическим данным, появились первые представители этого вида — неантропы с физиологическими и другими параметрами, большая часть которых не изменилась до сих пор. Известно также, что законы эволюции в природе направлены обычно на поддержание не максимальной, а некоторой оптимальной продолжительности жизни, ибо «чем чаще происходит смена поколений данного вида, тем вернее обеспечены его преемственность и биологическая приспособленность»⁷. При этом оптимальная видовая продолжительность жизни определяется хронологическими рамками размножения. Существует немало живых существ, которые умирают почти сразу же после выполнения ими этой функции (например, некоторые виды рыб — после икрометания). У других, обычно более развитых существ (в число которых входят человекообразные обезьяны и сам человек) оптимальная продолжительность жизни, очевидно, определяется хронологическими рамками нескольких циклов размножения (репродуктивным периодом) и временем, необходимым для заботы о потомстве.

Рамки репродуктивного периода у человека достаточно четко определены лишь у женщин. Время наступления половой зрелости у девушек (первые регулы), по историко-демографическим данным, не претерпело существенных изменений и колеблется в настоящее время от 12 до 16 лет (у некоторых акселерированных групп сейчас приближается к 11); можно предположить, что у неантропов половая зрелость девушек также наступала в среднем примерно в 15 лет. Конец детородного периода (менопауза и климакс) у женщин развитых стран относится к 45—50 годам. По этнографическим материалам, относящимся к слабо развитым родоплеменным общностям, из-за раннего начала половой жизни (нередко до наступления половой зрелости), ранних родов и тяжелых условий жизни, приводящих к быстрому увяданию женщин, их репродуктивные функции обычно оканчиваются в 35—40 лет; среди австралийцев-аборигенов, например, женщина в 35 лет считается уже «старухой»⁸. Есть основания предполагать поэтому, что у неантропов данный рубеж вряд ли превышал 40 лет. Что же касается времени, необходимого для воспитания последнего ребенка, то оно ограничивалось, вероятно, 8—10 годами. Установлено, что человек возник как существо социальное, что неантропы, в частности, жили более или менее значительными группами, внутри которых существовали обычаи взаимопомощи, распространяющиеся, конечно, и на воспитание детей. Во многих известных племенных обществах, стоящих на ранних ступенях развития, дети быстро становятся самостоятельными, а материнская забота о них сменяется групповой опекой. Прибавив к 40 годам еще 10, мы получим 50 лет как минимальную продолжительность жизни, определяемую параметрами воспроизводства вида *Homo sapiens*.

Все рассуждения о том, что природой с самого начала определена человеку продолжительность жизни в 100 или даже 150 лет, сводятся в конечном счете к предположениям, что природа снабдила человека своего рода запасом прочности, в несколько раз превышающим возраст, определяемый параметрами размножения; нередко в таких рассужде-

⁷ Грмек М. Д. Геронтология — учение о старении и долголетию. М.: Наука, 1964, с. 8.

⁸ Россет Э. Указ. раб., с. 187—188.

иях проступают и телеологические потки. Мне представляется, что природа в этом отношении не была особенно щедрой и уж, конечно, не могла предусмотреть развитие социальной жизни, например выявившуюся не так давно необходимость родителей заботиться о своих детях, пока те не завершат образования (до 22—23 лет, а то и дольше), или развитие системы пенсионного обеспечения престарелых. Второе предположение заключается в том, что средняя продолжительность жизни человека имеет значительные внутривидовые различия и определяется не только генетическими, но и экологическими, в том числе и социокультурными факторами. Существенным, хотя и косвенным подтверждением этого предположения служат установленные в последние десятилетия значительные (до 5 лет и более) популяционно-групповые различия в возрасте наступления половой зрелости. Уместно отметить, что другой биологический параметр, тесно связанный со средней продолжительностью жизни, — возраст окончания репродуктивного периода — варьирует еще сильнее (до 10 лет и более). Таким образом, с увеличением возраста популяционно-групповые параметры данного типа могут расходиться все сильнее и к концу «средней продолжительности жизни» составить, вероятно, до 20 лет.

В период формирования неантропа его средняя продолжительность жизни была одновременно как видовой, так и популяционно-групповой, ибо этот процесс шел в одной или менее ограниченной области среди нескольких генетически тесно связанных между собой групп. Заметим сразу же, что эта биологически заданная продолжительность жизни использовалась лишь частично: судя по костным останкам, первобытные люди редко доживали и до 50 лет, а средняя продолжительность жизни лишь немногим превышала 20 лет⁹. Увеличение средней продолжительности жизни шло очень медленно. В античности, т. е. спустя свыше 40 тыс. лет после появления неантропов, она достигла, как уже отмечалось выше, лишь 25—30 лет. Но к этому времени с самими людьми произошли существенные изменения, отразившиеся на биологической продолжительности жизни.

Первые десятки тысяч лет человеческой истории были обусловлены процессами расселения людей по земному шару. В результате миграций люди разбились на великое множество родо-племенных групп и фактически на множество популяций, живших более или менее изолированно друг от друга в самых разнообразных природных условиях — от зоны тундры до зоны тропических лесов. Одним из результатов относительно изолированного существования было появление под воздействием локального мутагенеза и естественного отбора различных антропологических типов. Об этом процессе биолого-расовой дивергенции человечества написано уже немало специальных работ. Что же касается возможных популяционно-групповых изменений продолжительности жизни, то этот вопрос, к сожалению, до сих пор ускользал от внимания исследователей. Между тем очевидно, что здесь приходится принимать во внимание два основных направления таких изменений. Одно из них — возможное сокращение средней продолжительности жизни у групп, попавших в неблагоприятные условия существования, резко отличающиеся от природных условий, в которых происходило формирование вида *Homo sapiens*; адаптация к новым условиям могла оказаться столь трудной и потребовать столь большой затраты жизненных сил, что это сокращение могло закрепиться в фенотипе и воспроизводиться в потомстве. Со временем, в результате продолжавшейся адаптации этих популяций к условиям среды, их средняя продолжительность жизни, возможно, возросла, но вряд ли достигла исходной, составившей, из всего оказанного выше, примерно 75 лет. Средняя популяционно-групповая продолжительность жизни у эскимосов, живущих в экстремальных условиях полярного пояса, составляет примерно 70 лет, и поэтому эскимосы, достигшие, например, 80 лет, могут в биолого-медицинском отношении считаться «долгожителями».

⁹ Россет Э. Указ. раб., с. 187—188.

Второе направление предполагает увеличение «средней продолжительности жизни у групп людей, попавших в такие условия существования, в которых они не только могли реализовать средние биологически исходные параметры, но и в фенотипе превзойти их. Объяснить это можно как очень благоприятными природными условиями, так и действием каких-то мутаций и целенаправленным отбором популяций по этому признаку. Последнее вполне возможно в условиях повышения социальной значимости стариков, например в случаях, когда они не только являлись своего рода накопителями и хранителями практических знаний, почерпнутых из повседневного быта, правил социальной жизни (обычай, традиции, обряды и т. п.), которые передавались ими: молодому поколению, но и имели в связи с этим повышенный социальный статус. Такая важная социально-культурная роль старых людей могла приводить даже к возникновению геронтократии (ср., например, хорошо изученную геронтократию у австралийцев-аборигенов). Все это относится, конечно, не к дряхлым старикам, а к старым людям, продолжавшим вести более или менее активную социальную жизнь. И хотя такая жизнь была часто уже за рамками их репродуктивного периода, популяции, в которых появились такие, в том числе и генетические, факторы, удлинявшие среднюю продолжительность жизни, получали преимущество перед другими. Последнее в свою очередь могло способствовать передаче каких-то элементов долгожительства по наследству. Факторы, благоприятствовавшие увеличению средней продолжительности жизни, вероятно, полностью проявили свою силу не в первобытном обществе, а позже — в классовых формациях, по мере все большего освобождения популяций от доминирующего влияния природной среды как в результате достигнутой адаптации к ней, так и особенно в результате дальнейшего развития производительных сил. Последнее способствовало успешной борьбе не только с голодом, но и с болезнями (в результате развития медицины, гигиены и других рациональных отраслей, постепенно обретающих свою научную основу). Явления геронтократии, содержавшие негативные элементы социальной инерционности и стагнации, в условиях все более развивавшейся и изменявшейся социальной жизни могли не исчезнуть бесследно, а смениться социально-психологическими геронтофильными установками подчеркнутого уважения к старикам, что, несомненно, способствует долголетию. Так или иначе, эти или подобные им факторы привели к появлению на земном шаре особых «долгожительских» популяций с продолжительностью жизни, выросшей до 85—90 лет и более.

В развернутом комплексном исследовании феномена долгожительства на Кавказе мы в соответствии с практикой геронтологов приняли в качестве порога долгожительства возраст в 90 лет.

К сказанному следует добавить, что в результате проведенной нами верификации более 500 номинальных¹⁰ долгожителей Абхазии, Азербайджана и Кабардино-Балкарии оказался лишь один человек немногим старше 125 лет; все остальные не достигли и 110 лет. По-видимому, возраст 110—120 лет и является пределом обычного долгожительства, превышения которого столь же редки, как, например, редки люди ростом более 2,3 м.

В своей основе долгожительство — явление, обусловленное особенностью жизнедеятельности организма, в частности способностью стойко противостоять действию неблагоприятных для его существования эндогенных и экзогенных факторов. Для человека как существа биосоциального видное место среди экзогенных или средовых факторов, оказывающих положительное или отрицательное влияние на продолжительность жизни, занимают факторы социальные, в том числе этнические (культурно-бытовые и др.).

Популяционно-групповой подход к феномену долгожительства в нашем исследовании сочетается с этническим: объектом исследования, как

¹⁰ Номинальными долгожителями здесь и далее называются люди, возраст которых по данным похозяйственных книг сельсоветов составлял будто бы 90 лет и старше.

сказано в самом названии темы, являются «народы и этнические группы» с повышенным уровнем долгожительства. Однако это еще не значит, что мы с самого начала исследования были твердо уверены именно в этнической природе долгожительства, исходили из этнических границ его существования. Реально в начале исследования предполагалось лишь существенное значение этнических факторов, которые подразделялись с некоторой условностью на этногенетические и этноэкологические. Первые из них связаны с генетической гипотезой долгожительства, предполагающей существование особых, передаваемых по наследству «генов жизнестойкости»; в таком случае удачные комбинации этих генов у отдельных людей и должны приводить к эффекту долгожительства. Этнический аспект генетических факторов обусловлен традициями этнической эндогамии — преимущественным заключением браков внутри этносов, в связи с чем и гены, способствующие долгожительству, могут закрепляться внутри тех или иных этносов. Уместно отметить, что часть таких генов может быть каким-то образом связана с антропологическими признаками; некоторые антропологические признаки, например особенности конституции тела, видимо, могут способствовать долгожительству: известно, что большинство долгожителей — это худощавые люди невысокого роста. Такая связь превращает этнический аспект в этноантропологический и тем самым предполагает активное участие в данной теме специалистов антропологов¹¹.

Этнический аспект экологических факторов отражается в особенностях взаимодействия людей с окружающей географической и социально-культурной средой. В первом случае это связано с географическим расположением этнической территории, ее климатическими, орографическими и гидрографическими особенностями, спецификой флоры и фауны и другими географически локализованными явлениями, к которым люди либо адаптируются, либо активно используют для обеспечения своего существования. При этом учитывается не только естественный, но и измененный — «культурный» ландшафт, не только дикие, но и домашние животные, а также другие особенности среды обитания, которые во многом определяются этнически традиционной хозяйственной деятельностью. В группу экологических факторов входят или к ней непосредственно примыкают такие связанные с географической средой компоненты материальной культуры, как традиционное жилище, одежда, пища, способы передвижения и т. п. Социально-культурную сферу этнической экологии образуют традиционные формы социальной организации и семейных отношений с ведущей ролью старших возрастных групп, компоненты духовной культуры, а также особенности личностно-социальной психологии, на которых мы остановимся далее при рассмотрении соответствующих гипотез долгожительства.

Бесспорно, большое значение для феномена долгожительства перечисленных выше специфических в этническом отношении факторов среды обуславливает необходимость деятельного участия в его исследовании этнографов (в первую очередь специалистов этноэкологического профиля), но, повторяем, еще не делает сам феномен «этническим». Значение таких этнических факторов достаточно четко прослеживается лишь при сравнительно небольших размерах этноса, когда он может (с некоторой условностью) рассматриваться в качестве популяции. Таковыми могут считаться, например, абхазы, с которых была начата работа по названной теме. Правда, абхазы, среди которых уже давно отмечались многочисленные случаи долгожительства, состоят из двух основных территориально разобщенных групп: одна находится в Очамчирском, другая — в Гудаутском районах Абхазской АССР. Однако развитые брачные связи между этими группами, весьма сходные условия жизни и другие обстоятельства позволяют рассматривать их совместно в качестве более или менее однородной популяции. Имеющиеся

¹¹ См. Волков-Дубровин В. П., Воронов А. А., Павловский О. М., Смирнова Н. С. Особенности антропологических исследований популяций с высоким процентом долгожителей. — В кн.: Феномен долгожительства.

различия в уровнях индекса долгожительства между отдельными абхазскими селениями не превышают различий, наблюдаемых внутри селений, между «х территориально разбросанными частями»¹².

Когда же мы обращаемся к более многочисленным и широко расселенным народам, например азербайджанскому этносу, отдельные группы которого живут в довольно сильно различающихся природных условиях, сохраняют различные типы хозяйства и особенности материальной культуры, почти не поддерживают прямых связей друг с другом, но зато общаются с иноэтническими соседями (грузины, армяне и др.)» то перед нами оказываются этносы, фактически состоящие из целого ряда популяционных групп. Анализ порайонного распространения долгожительства в Азербайджанской ССР показывает сильную дифференциацию индексов долгожительства: от ниже среднего по СССР до очень высоких, превышающих индексы по абхазским районам. Высказанное ранее предположение о прямой связи долгожительства с высотой местности над уровнем моря¹³ не подтвердилось, а какие-то другие закономерности территориального размещения долгожительства пока не выявлены. Среди соседнего, также крупного, грузинского этноса, не отнесенного нами по средним показателям к числу «долгожительских», имеются группы с высокими индексами долгожительства (в Имерети, Кахети и других районах). Имеются такие локальные группы и среди очень широко расселенного русского этноса. Короче говоря, предварительный анализ географии долгожительства приводит к выводу, что это явление носит скорее локально-популяционный, а не этнический характер¹⁴. Это обстоятельство, кстати говоря, подтверждает и высказанное выше предположение о популяционном характере самого понятия «средняя продолжительность жизни».

Борьба с преждевременной смертью, за увеличение продолжительности жизни была с далекой древности одной из основных, если не основной задачей человеческих коллективов. Поэтому явления долгожительства издавна привлекали внимание не только ученых, которые обычно изучали какие-то отдельные стороны этого феномена, но и простых, так сказать, смертных, не склонных к научному анализу. Результатом этого было распространение в быту всякого рода вымыслов и домыслов о рекордах долголетия и его причинах. Изрядное количество непроверенных, мягко говоря, выводов проникло и в печать, нередко, к сожалению, и в форме «научно-популярных» очерков. При этом на первый план чаще, чем следовало бы, выдвигались особенности питания; многие читатели данной статьи, вероятно, легко припомнят утверждения, будто бы, например, стоит лишь употреблять в пищу побольше сыра и поменьше мяса, как продолжительность жизни существенно увеличится. Находились, впрочем, и такие авторы, которые доказывали прямо противоположное, писали о благотворности такой пищи, как «сырое или полусырое мясо с кровью» и т. п.¹⁵.

Для того чтобы не подпасть под какое-то влияние бытовавших ошибочных и неточных заключений по вопросам долгожительства, непременным условием начатого нами исследования была установка ничего не принимать «на веру», не оставлять без проверки и сравнительного анализа. Это относилось (и как оказалось, не без оснований) прежде всего к исходным данным о количестве долгожителей и их возрасте, содержащимся в материалах переписей населения и текущего статистического учета населения в сельских Советах. В результате проведенной

¹² В качестве такого индекса долгожительства нами принято отношение числа всех людей в возрасте 90 лет и старше (т. е. собственно долгожителей) к числу всех людей в возрасте 60 лет и старше (т. е. пожилых людей вообще). В среднем по сельскому населению СССР на 1970 г. (по материалам переписи населения) этот индекс составлял около 13%, среди сельских абхазов — около 70%.

¹³ См. Мехралиев Э. К., Эюбов Н. Г. Взаимосвязь между высотой местности и процессом долголетия (на примере Азербайджанской ССР). — Научн. тр. Министерства высшего и среднего спец. образования АзССР (сер. географо-геол.), Баку, 1979, № 5.

¹⁴ См. Козлов В. И., Комарова О. Д. География долгожительства в СССР. — В кн.: Феномен долгожительства.

¹⁵ Архипов И. В движении обретаешь. — Вокруг света, 1978, № 9, с. 63.

верификации возраста старых людей в Абхазии и Азербайджане оказалось, что реальное число долгожителей существенно (по большинству сельсоветов примерно в 3 раза) меньше, чем считалось.

Установленные массовые случаи завышения 'возраста старых людей (особенно мужчин) как ими самими, так и окружающими представляются определенным научный (прежде всего этнографический) интерес, а причины этого явления довольно тесно связаны с некоторыми важными факторами долгожительства. Нетрудно догадаться, что основной причиной завышения возраста является престижность: чем старше человек, тем большего уважения в данном коллективе он, видимо, заслуживает и тем большим влиянием пользуется. Такое завышение является, конечно, результатом отсутствия документов о дате рождения и других событиях начального периода жизни, например об учебе в школе (подавляющее большинство опрошенных нами старых людей были неграмотны). Кроме того, в бытовом общении люди старого и даже среднего возраста до сих пор пользуются терминами, взятыми из системы возрастных групп, а не числом лет. До сих пор не установлено, однако, были ли в процессе завышения возраста какие-то этапы или его повысили однажды и это было конкретной причиной такого скачка, достигавшего иногда 20 и более лет. Выдвинутое И. И. Крупником предположение о том, что завышение возраста обычно происходило в тех случаях, 'когда еще нестарый человек занимал более или менее важный социальный пост, который, согласно традиционному «табелю о рангах», должен быть занят человеком старшего возрастного класса¹⁶, заслуживает внимания, но оно объясняет, к сожалению, лишь сравнительно немногие случаи. Следует сказать, что немаловажную роль в завышении возраста некоторых стариков, по крайней мере среди абхазов, играли женщины, которые согласно традиционному этикету признавали старшинство мужчин. Немаловажное значение, впрочем, здесь могло иметь <и то обстоятельство, что женщины попадают, в свой старший возрастной класс раньше, чем мужчины¹⁷.

Для лучшей научной организации сбора и анализа фактического материала (в том числе и полевого) комплексное исследование групповых случаев долгожительства проводилось по подразделам, в большинстве из которых внимание концентрировалось на какой-то более или менее четко выделенной и сформулированной гипотезе долгожительства. К числу этих гипотез относится уже частично затронутая выше очень важная и многоаспектная генетическая гипотеза, разработкой которой занимаются главным образом медики и антропологи. Медико-биологические вопросы требуют специального рассмотрения. Что же касается антропологов, то при разработке названной темы они решают ряд очень важных задач, и прежде всего задачу воссоздания этнопопуляционной истории изучаемого народа или какой-то его обследуемой части. С этим непосредственно связана подробная антропологическая характеристика изучаемых групп, их общих и особенных черт по сравнению с другими долгожительскими и недолгожительскими группами (и целыми народами. Для проверки генетической гипотезы, т. е. возможности передачи долгожительства по наследству, применяется сравнительный антропологический анализ членов долгожительских и недолгожительских семей внутри исследуемой долгожительской популяции.

Во время рекогносцировочных работ в Абхазии было установлено, что многие долгожители (особенно мужчины) поздно вступили в брак: женщины — в 25—30 лет, мужчины — в 40—45 лет, а иногда и старше. В связи с этим было высказано предположение о существенном влиянии на возникновение феномена долгожительства общего сдвига репродуктивного периода. Против этого предположения почти сразу же были выдвинуты серьезные аргументы, например распространение ранних

¹⁶ Крупник И. И. Структурно-генетическое изучение абхазского долгожительства.— В кн.: Феномен долгожительства, с. 66-67.

¹⁷ Павленко А. П. Возрастные категории в абхазском обществе.— В кн.: Феномен долгожительства.

браков у других кавказских народов с повышенной долей долгожительства (азербайджанцы, балкарцы и др.), поэтому при разработке программы комплексного исследования долгожительства эта идея не была сформирована в виде отдельной гипотезы. Тем не менее было признано целесообразным провести исследования по определению среднего возраста половой зрелости в обследуемых группах и некоторых особенностей возрастных изменений антропологических параметров, в частности темпов минерализации костей скелета.

Особое место занимает гипотеза, которая может быть названа репродуктивной и которая связывает долгожительство с такими показателями, как возраст отца и матери при рождении будущего долгожителя, с тем, каким по счету ребенком он был у матери, и т. д. Проверкой этой гипотезы занимаются главным образом демографы, хотя истолкование собираемого материала требует участия биологов и медиков.

Кроме названных гипотез необходимо сказать о природно-экологической, демографической, а также о нескольких психологических и собственно этнографических гипотезах.

Большое значение природно-экологической гипотезы, связывающей долгожительство с особенностями природной среды, в которой живет данная группа людей, обусловлено уже тем обстоятельством, что явление долгожительства не распространено равномерно по территории СССР (да и по другим странам мира), а концентрируется в отдельных географических районах, в частности на Кавказе. Долгожительские популяции Закавказья, прежде всего абхазы, находятся в природных условиях, которые в целом благоприятны для жизни человека. Суть связанных с этой гипотезой проблем состоит в том, что не все этнические группы Закавказья характеризуются высокими индексами долгожительства; так, у живущих в самой Абхазии групп армян и русских эти индексы в несколько раз ниже, чем у абхазов, и близки к средним по стране. Возможное объяснение этому состоит в том, что русские и армяне вообще уступают абхазам по тем элементам долгожительства, которые передаются по наследству в результате этнической эндогамии, а также в том, что русские и армяне, как сравнительно недавние поселенцы в Абхазии, еще не успели достаточно адаптироваться к специфической природной среде как в биологическом, так и в культурно-бытовом отношении. Собранные нами материалы показали, впрочем, что и адаптация самих абхазов к природной среде не вполне совершенна. Вопрос этот заслуживает специального рассмотрения; пока же отмечу, что по преобладающим худощавым типам телосложения, традиционной пище с низким содержанием жиров, сравнительно легкой одежде и неполнотой отапливаемому жилищу они хорошо адаптированы к жарким месяцам года и трудно переносят зимний период с пронизывающей сыростью и заморозками. Возможно, что при лучшей адаптации феномен долгожительства у них был бы еще более ярким. Демографическая гипотеза, объясняющая повышенный процент очень старых людей среди абхазов в настоящее время высокой волной рождаемости во второй половине XIX в. (с последующими нормальными темпами выбытия), проверялась главным образом по данным переписей населения СССР, прежде всего переписи 1926 г. Анализ возрастной структуры абхазов не подтвердил наличия у них такой высокой когортной волны, в связи с чем эта гипотеза утратила свое значение.

К психологическим гипотезам долгожительства относится прежде всего личностно-психологическая гипотеза, связывающая этот феномен с особенностями психического типа личности долгожителей (его ригидности или пластичности, экстравертности или интровертности и т. д.). Для определения типа личности применяется метод фиксированной установки по Д. Н. Узнадзе, цветовой тест Люшера и другие вербальные и невербальные методы. Распространение таких тестов на родственников и неродственников долгожителей позволяет, с одной стороны, выяснить, насколько психические качества долгожителей определяются наследственностью, с другой — получить сведения о психических осо-

бенностях всей долгожительской группы или популяции, подняться, так сказать, на уровень социальной психологии. Еще большим сочетанием личностных и социально-психологических параметров отличается изучение стрессогенной нагрузки долгожителей. Суть этой методики, применяемой в несколько ином виде и американскими коллегами, сводится к тому, что вначале путем экспертных оценок и массового спроса устанавливаются основные типичные для изучаемых групп стрессогенные факторы, которые ранжируются по порядку или «весу», затем путем опроса старых людей определяется стрессогенная нагрузка, которую получили собственно долгожители к возрасту 80—85 лет и люди, еще не достигшие порога долгожительства (т. е. 80—85 лет); сравнение этих данных позволит ответить на вопрос, связано ли долгожительство со спокойной счастливой жизнью или это опять-таки сильнее зависит от типа личности. Уместно заметить, что изучение особенностей стрессогенных факторов у исследуемых этнокультурных групп, как и упомянутая выше работа по установлению психических особенностей по типам личности в таких группах, имеет непосредственные выходы в этническую психологию, способствует развитию этой пока мало разработанной научной дисциплины.

Собственно социально-психологическая или этнопсихологическая гипотеза долгожительства основана на предположении связи феномена долгожительства с социально-психологическим статусом старых людей в данной этнической культуре и социально-психологической «атмосферой», существующей в долгожительских группах. Здесь, с одной стороны, уменьшено число стрессогенных факторов, с другой — облегчен процесс адаптации к ним. Иначе говоря, предполагается, что такие этнокультурные особенности и нормы, как престижность принадлежности к старшим возрастным группам, наличие у стариков номинальной или реальной власти и вообще значимость их в семье и общине, создают условия психологического комфорта, способствующего продолжительности жизни. Так как социально-психологическая атмосфера охватывает все слои общества, а навыки антистрессового поведения и чувства любви и уважения к старым уходят своими корнями в самый ранний возраст, обусловлены особенностями процесса социализации личности, то разработка этой гипотезы охватывает и изучение процесса воспитания детей.

Социально- или этнопсихологическая гипотеза связана с двумя частными гипотезами, одна из которых имеет социологическую, а вторая этнографическую направленность. Первая из них, связанная с негативным действием на здоровье растущего с годами чувства одиночества, предполагает существенное влияние на феномен группового долгожительства факта сохранения высокой плотности социальных связей и в старческом возрасте¹⁸. В своем этнографическом, так сказать, исполнении социально-психологическая гипотеза выразилась в геронтофильной гипотезе долгожительства, связывающей это явление с высоким статусом старых людей в семье и обществе, определяемом этнокультурными традициями. Материал для разработки этой гипотезы собирается по особой анкете, в которой учитывается состав семьи, положение стариков в семье, выполняемые ими работы, участие в общественной жизни и т. д.¹⁹.

К этнографическим гипотезам долгожительства относятся хозяйственно-трудовая, жилищно-бытовая и пищевая. Первая из них связывает этот феномен с особенностями хозяйственно-трудовой деятельности людей, видом этой деятельности в различные периоды их жизни, трудовым распорядком дня, режимом и интенсивностью труда и т. п.; вторая — с особенностями жизни людей в бытовых условиях: жилищными

¹⁸ См. *Sokolovsky J.* International Dimension of the Aged. Social Network Mapping.—In: *New Methods for Old Age Research: Anthropological Alternatives*. Chicago, 1980.

¹⁹ *Смирнова Я. С* Указ. раб.; *ее же*. Роль старших возрастных групп в абхазской фамильно-патронимической организации.— В кн.: *Феномен долгожительства*.

удобствами, санитарно-гигиеническими традициями, особенностями сезонной одежды и т. п. Пищевая гипотеза предполагает большое влияние на здоровье и продолжительность жизни людей особенностей традиционного питания, в частности его суточного режима, особенностей пищи (предпочтительные и табуированные блюда, способы приготовления пищи), половозрастных регламентации питания и питания старых людей, сезонных изменений в питании, соблюдения запретов и постов и т. д. Особо учитывается употребление алкогольных напитков, солений и сладостей. Сбор материалов по этим трем гипотезам также ведется с применением специально составленных вопросников или анкет.

В ходе уже проведенных полевых и камеральных исследований по теме комплексного изучения явлений группового долгожительства была развернута работа по «всем названным выше гипотезам. Однако эта работа оказалась весьма трудоемкой, а привлеченные для ее выполнения научные силы не столь многочисленными, как хотелось бы. Поэтому к настоящему времени сбор полевого материала по Абхазии завершен лишь по биолого-антропологической части темы; по многим разделам социально-этнографической части он еще продолжается. Некоторые результаты этой работы отражены в опубликованных материалах I Советско-американского симпозиума (1980 г.) по проблемам долгожительства. Материалы II симпозиума (1982 г.), как уже отмечалось выше, готовятся к печати. Рассматривать подробно в данной статье незавершенные этапы работы в связи с той или иной гипотезой представляется нецелесообразным.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что расчленение темы комплексного изучения долгожительства на отдельные гипотезы проведено отчасти для лучшей организации научно-исследовательской работы. Грани между гипотезами довольно условны, и выявляемые в результате их разработки факторы долгожительства довольно тесно связаны и даже переплетаются друг с другом. Выше уже говорилось о связи генетических факторов (а следовательно, и всей генетической гипотезы) с факторами этническими, прежде всего с нормами этнической эндогамии; можно также сказать о важности в этом отношении традиционных норм учета физического и психического здоровья возможного брачного партнера и его ближайших родственников и т. п. Уместно отметить и связь генетических факторов с природно-экологическими, так как способствующие долголетию «гены жизнестойкости» появляются и закрепляются в популяциях, которые в течение долгого времени адаптируются к определенным природным условиям. Потомственные уроженцы Вологодской области вряд ли могут рассчитывать на то, что, переселившись в Нагорный Карабах, они обретут «кавказское долголетие»; такое переселение, вероятно, принесет их здоровью больше вреда, нежели пользы (показательно, что группы русских в республиках Закавказья имеют невысокие индексы долгожительства). С другой стороны, и уроженец Нагорного Карабаха, все старшие члены семьи которого отличались долголетием, переселившись в Вологодскую область, вряд ли переживет там местных сверстников. Большое значение здесь, очевидно, играет длительность адаптации той или иной популяции к конкретным средовым условиям. Взаимосвязь и взаимодействие различных факторов долгожительства хорошо видны, например, и при рассмотрении гипотезы питания. К сказанному выше об этой гипотезе следует добавить, что ее этнографическая часть (как, впрочем, и у других «этнографических» и «этнопсихологических» гипотез) дополняется ее медико-биологической, в данном случае «нутриционистской», частью, предусматривающей суточные наблюдения питания в семье обследуемых людей и анализа потребляемой пищи по ее калорийности, химическому составу, содержанию витаминов и других компонентов. Некоторые особенности питания старых людей обусловлены их статусом в семье и общине, что связывает пищевую гипотезу с геронтофильной. Довольно четко выступает и связь пищевой гипотезы с хозяйствен-

но-трудовой и особенно с природно-экологической, так как люди обычно питаются тем, что могут произвести в определенных географических условиях; основу абхазской пищи составляет, например, густая кукурузная каша (абыста), а у азербайджанцев — пшеничный хлеб. Кроме того, в различных географических условиях для жизнеобеспечения требуется далеко не одинаковая пища; небольшое потребление теми же абхазами жиров растительного и животного происхождения обусловлено тем, что они живут в теплом климате, не требующем большого⁵ теплотворения в организме. Физиология питания определяется не только спецификой традиционной пищи, но и некоторыми особенностями пищеварительных органов, возникших в результате длительного употребления такой пищи и передаваемых по наследству, а это связывает гипотезу питания с генетической. При разработке пищевой гипотезы приходится учитывать все эти прямые и опосредованные связи ее с другими гипотезами и другими факторами, устанавливать относительное, значение каждого из них.

И наконец, хотелось бы сделать еще одно замечание общего характера, относящееся к методологии и методике этнографических исследований. Происшедшее некогда присоединение этнографии к числу исторических наук и отделение ее от естественных, особенно от ее давних, так сказать, союзниц — географии и антропологии, наряду с положительными сторонами дало и некоторые негативные результаты. В частности, оно привело к тому, что многие аспекты культуры и быта стали рассматриваться в их историческом развитии, но по существу в отрыве от конкретных условий существования людей, от особенностей систем их жизнеобеспечения и естественного воспроизводства, что во многом обуславливалось, кстати сказать, и «исторической» направленностью подготовки новых кадров этнографов.

За последние десятилетия в этом отношении наметился некоторый перелом. Потребности жизни, внутренние закономерности развития всей науки привели к появлению нескольких стыковых дисциплин, частично восстанавливающих некогда разорванные связи: этнической антропологии, этнической географии, этнической демографии и др. Однако в областях, считающихся традиционно этнографическими, ситуация изменилась довольно мало; продолжает бытовать тенденция ограничиться решением каких-то своих «этнографических» задач, абстрагируясь от насущных междисциплинарных проблем. При изучении пищи, например, иногда прямо подчеркивается, что «этнографов пища интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности (?!), а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы их поведения, формы поведения, традиционные для данного общества»²⁰. В условиях обострившейся во многих странах мира продовольственной проблемы призыв к этнографии не интересоваться питательностью изучаемой пищи представляется нерациональным. И в частности, книга, содержащая такой призыв, только выиграла бы, а ее научно-познавательное значение явно возросло, если бы в ней имелись достаточные сведения о том, как действительно питаются в настоящее время народы зарубежной Азии, какие проблемы встают перед ними в условиях «демографического взрыва» и надвигающегося экологического кризиса.

Развернутое комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенным уровнем долгожительства и более широкие исследования — по этнической экологии²¹ — заслуживают специального рассмотрения.

Важность таких исследований в теоретическом и практическом отношении заключается в том, что они предполагают более действенные связи этнографии с естественными науками, прежде всего сочетание

²⁰ Этнография питания народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1982, с. 3.

²¹ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии. — Сов. этнография, 1983, № 1.

этнографического материала с медико-биологическим для определения того конкретного влияния, которое оказывает специфика традиционной культуры и быта, особенности этнической психологии и другие этнографические параметры на здоровье и саму жизнь людей.

М. А. Итина

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ХОРЕЗМЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В минувшем пятилетии и в первые годы нынешнего Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция продолжала исследования в Южном Приаралье, а также во Внутренних Кызылкумах, на древних староречьях Зеравшана. Основными направлениями этих исследований по-прежнему были проблемы этногенеза, этнической истории, традиционной культуры и общественного строя древнего земледельческого населения и его полукочевой и кочевой периферии в северной равнинной части Средней Азии; вопросы древнейшего заселения и освоения человеком дельтовых равнин Амударьи, Сырдарьи, Зеравшана, а также территории Внутренних Кызылкумов и их бессточных впадин; проблемы возникновения и развития ирригационного земледелия в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Хронологические рамки этих исследований чрезвычайно широки — от VI тысячелетия до н. э. до эпохи средневековья. Последнее важно не только с точки зрения возможности рассмотрения исторических процессов на протяжении столь длительного промежутка времени, но и потому, что эти исследования, привязанные к определенному историко-культурному региону, дают возможность уловить преемственность культурных традиций, нити которых нередко протягиваются от глубокой древности до современности.]Насштабы работ, проводимых экспедицией, применяемая методика комплексных исследований, техническая оснащенность и научный авторитет способствовали, как и в прежние годы, привлечению ее к выполнению заданий, связанных с практикой народного хозяйства. Это в первую очередь и главным образом охранные археологические работы, государственное значение которых состоит в сохранении для народа, для истории бесценных памятников многотысячелетней культуры народов Средней Азии. Работы в этом направлении экспедиция вела и ведет в контакте с научными учреждениями союзных республик, местными партийными и советскими организациями, комитетами по охране памятников. Основной объем охранных работ в десятой пятилетке и в настоящее время проводился преимущественно в Каракалпакии, на землях древнего орошения Правобережного Хорезма, а также в Туркмении, в Левобережном Хорезме, в связи с огромными работами по освоению этих земель под ирригационное земледелие и пастбищное скотоводство.

Для Хорезмской экспедиции эти работы представляют особый интерес еще и потому, что вновь осваиваемые районы — это земли собственно Хорезма, изучением истории и культуры которого экспедиция занимается более 40 лет. Практический выход охранных работ состоял в консультациях ирригаторов ио самым различным вопросам степени освоения под ирригационное земледелие того или иного района в древности, о мощности агроирригационного слоя в зависимости от длительности хозяйственного использования земель на протяжении истории; о возможности использования современными ирригаторами карт древней оросительной сети, составленных экспедицией. Не менее важное практическое значение имеет и непосредственная деятельность экспедиции по охране памятников и ее пропагандистская работа, призывающая к соблюдению на местах соответствующего законодательства. Поездки по